

Олег Павловский

НЕ УНЫВАЙ, СЭНДИ!

Короче, поеду на поезде. Можно напроситься пассажиром к Толстому Питу, но я летал с ним дважды и больше не желаю. В первый раз просто прилетели не туда, а во второй он забыл налить в бак бензин — так и полетели, радио не работало, и я два часа считал ворон в полной тишине, пока бедняга Пит управлял самолетом.

Собственно, до Ленинграда шесть часов езды. У меня там кое-какие дела: надо бы ухлопать проходимца Виктора Раймона — он увел у меня Кэт — тоже дура порядочная — разболтал, что меня зовут не Сэнди Блэк, а попросту Саша Черный — вот подонки! Я-то знаю, никакой он не Виктор, зовут его Витька Рамкин, к тому же еврей — достаточно взглянуть на его рожу и толстую задницу, я же — Сэнди Блэк, русский, это точно.

Загляну на Кузнецкий в оружейный магазин кое-что приобрести для разговора. Билет я заказал. Подъехал пикап, посыльный тычется по двору с бумажкой — это мне несут билет. Где только управление железной дороги находит таких дураков? Так и знал: сейчас он будет звонить в чужую квартиру. Там живет сумасшедший Мак Наварский, пусть он огреет по башке этого олуха. Однажды Мак разбил о голову почтальона прелестную китайскую вазу — память о скоропостижно умершей бабушке, которую Мак отравил изрядным количеством коньяка "цветок абхазии", после на бабкиной могиле выросли необыкновенной красоты цветочки, которые дурачок Мак срезает и продает хозяину, т.е. директору цветочного магазина — впрочем, говорят, он снимает несколько урожаев в год. Так вот, билет мне доставили. Посыльный трет себе лоб — видимо, Мак снова раскокал какую-нибудь ценную вещь.

Выпил я на порогу стаканчик французского коньячку и поехал. Лучше бы взял мерседес, у ситроена, похоже, сели аккумуляторы — так и есть, сели. Я эту рухлядь выброшу у вокзала, а в Питере куплю что-нибудь... Ну, хоть семнадцатую модель

Лигулей — скромно так, не выделяясь...

На Кузнецком, конечно, Милашка Керри торгует патронами для кольта. Думаю, кольт — самая подходящая штучка, если необходимо кого-либо хорошо продырявить. Я с этой малышкой разок переспал — ничего девчонка, грудь маловата, но делает это смачно. Похлопал ее по попке и пошел к директору. Это мой старый друг, вместе в коллеже учились, потом встретились в Северной Африке, в Ор—ане, у него там родственники и еще одна жена, я же ездил развеяться, тем более в Москве стояла зима и тридцатиградусные морозы. Кстати, об Ор—ане. Мы неплохо провели время. Ихние девчонки способны заниматься любовью круглые сутки — только плати деньги. Там хорошо идут наши золотые сторублевки, но я, честно говоря, предпочитаю доллары или английский пятифунтовые, тоже золотые. Из-за баб все и началось. Какие-то черножопые морячки вздумали отбивать у нас двух мулаток. Тогда Боб, мой друг, хозяин магазина, прострелил одному заднице в четырех местах, а я метко швырнул гранату, и разнесло полстройки и с бармена взрывом сорвало подтяжки... Да, с тех пор мы и подружились на всю жизнь.

— Здравствуй, — говорю, — Боб, старина. Ты не представляешь как я рад тебя видеть!

Ну, расцеловались, конечно. Боб сидел в кресле, и новенькая продавщица тут же. Пришлось ее немного отодвинуть. Налю, думаю, немного выпить. Налил стаканчик виски с медом для поправления здоровья. У Боба в кабинете новый кондиционер — пей сколько влезет, голова не заболит. Продавщица собралась уходить, но Боб ее остановил. Заботливый он человек! И очень культурный. Спрашивает Лизу — как я ей. А меня спрашивает — как она мне. Пусть Лизанька зубки почистит — а так ничего. Что мне нравится у Боба — это его доброта. Сидим, выпиваем. Разговорились, и он посоветовал мне взять короткоствольный дробовик, раз дело серьезное, браунинг мой не одобрил и подарил кольт тридцать восьмого калибра — все сокрушался, что покрупнее у него сейчас нет. Я его успокоил: — Ничего страшного, милый, я его и из этого пристрелю, ты только не переживай, потом — я же возьму еще и дробовик! Совсем разомлел, неохота никуда ехать, однако пришлось. Боб проводил меня до машины, распереживался старик, а у Лизы просто слезы стояли

в глазах...

Приезжаю на вокзал. Снова не повезло — купе оказалось на двоих, сразу не посмотрел — теперь мучайся. Разозлился я: даю проводнику двадцать долларов, а он не берет, говорит других мест нет, я его, собачкина сына, чуть не пристрелил, но, думаю, кто же мне будет делать гоголь-моголь?

Купе оказалось лучше, чем я думал. Ну, из чемодана выпивку и закусочку повывинчивал — скучно ехать, когда нечего выпить и поесть, ладно с вечера завернул парочку ананасов, банку икры и большую ~~пилину~~ бутылку виски "пьяная лошадь" — мой любимый сорт, приятный напиток, градусов шестьдесят шесть, выпьешь и сразу почувствуешь себя либо лошадью, либо не лошадью — но совершенно пьяной. Включил телевизор, жду отправления.

Дверь отъезжает — заезжает баба. Вот! Этого не хватало, будет теперь болтать! Однако, пока молчит — больная она, что ли?

— Что с тобой, — говорю, — лапонька, почему такая грустная?

Дела... папа с мамой уехали на Ривьеру и ее с собой ^{не} взяли. — у нее двойка по химии — разве она виновата, что такой уродилась? Скорее бы школу закончить, она будет петь в церковном хоре и исключительно этому посвятит жизнь.

— Ладно, — говорю, — не переживай, давай выпьем! — и достаю бухалово, а от ананасов она просто пришла в восторг. Вызвал проводника, велел принести стаканы и лед, и шампанского, да охладить как полагается, не то шкуру сниму! Это же надо, — какая жара! Проводничок попался — тоже полонок, по роже видно: дрянь — человек. Сразу понял, что чирикаться я с ним не стану и смылся...

По телику футбол: "Черноморец" побеждает аргентинскую сборную, прямой репортаж — так им и надо! незачем было английских защитников приглашать — они же не могут играть на ~~такой~~ такой жаре, мокроносы полосатые! Черти что: в Аргентине жара, в Москве жара — ладно, поезд тронулся, вентиляцию включили, легче стало...

По другой программе стриптиз, по третьей фильм "Умоляю тебя — не стреляй!" киностудии детских и юношеских фильмов. Я сперва решил: ерунда, после стало интересно. Там один нехороший папа не разрешает своей дочке спать с автогонщиком, по-

тому как у него нет образования, и все подсовывает ей плохенького кандидата наук, но с ним у нее ничего не получается, поскольку он слаб здоровьем. Вся беда в том, что она любила этого кандидата и теперь его надо лечить. Я бы на ее месте такого не полюбил. Гонщику и вовсе не понравился этот кандидат и он решил его заранее убить — он очень любил дочку этого плохого папы, и еще он любил их служанку, горю своему забвение он с нею находил! И правильно делал! Папа был миллионер, директор огромного завода, и всяких там служанок у него было сколько захочешь, хоть всех подряд люби и еще останется.

Откупорил я бутылочку, смотрим дальше. Дальше — хуже. Дочка застаёт гонщика со служанкой прямо тепленьких и возмущается — как это он посмел баловаться с такой деревенщиной? Все трое плакали, бились головой об стенку и легли спать втроем. Тут на беду приезжает из санатория выздоровевший кандидат наук. Такое началось! Схватили револьверы, потом милиция приехала — дали им по пятнадцать суток. Очень поучительный фильм!

Проводник принес что велено. Я дал ему десять франков и велел надить в ванну воду — девочка будет купаться.

— Раздевайся, — говорю, — маленькая, фильм кончился.

Стесняется, говорит, пускай лучше я. Вот дела! А, ничего.

Хорошо мы ехали до Ленинграда. Девочка вежливая, голос хороший, пела мне песню, которую разучила для церковного хора, в промежутках, разумеется, так вот — песня за сердце берет.

Проводник налил слишком горячей воды, я его все же приобъерзавца, когда приедем.

Приехали. Проводник спрятался в сортире, а я пошел проводить девушку на такси — она такая наивная, заблудится ведь едуру... Эх, забыл спросить, как ее зовут, времени не было...

Поехал в Апраксин покупать машину. Купил голубую, ВАЗ-5550. Они здорово упали в цене, за новую просят тысячу сто, и то можно поторговаться, все хотят китайские машины, но я уже решил: не выделяться.

Позвонил на станцию, чтобы включили телефон, потом Стиву, мой сводный брат, его не было дома, Мария — его жена —

сказала, что на работе его, видимо, тоже нет, а скорее всего он дуется с друзьями в фараон в баре "Казино", чтобы их черт съел - так и сказала! - эта пьянка никогда не прикроется, раз еще и такой, как я, приехал, и чтоб я у них не смел показываться - с нее достаточно и одного...

Стив сидел у окна. Он был разгорячен и пил пиво. Его приятели тоже дили пиво, один - с не-нашим лицом - распечатывал колоду. Увидев меня, братец встал, сказал: - Пошли все вон! - протянул ко мне свои толстые волосатые руки, и мы расцеловались на глазах у всей этой публики - было ясно: к Стиву приехал любимый брат и сейчас начнется грандиозная пьянка.

Брат распорядился принести из ресторана "Домик лесника" шпигованного зайца и холодный ростбиф - там отменно готовят дичь, а над дверью висит плакат: "Здесь скушал котлетку президент ленинградского английского клуба Джон Козловский". А пока директор "Казино" принес нам собственный балычок и присел потрепаться за стаканчиком. Мы со Стивом пили мартини, а директор - ереванский коньяк, у него пошаливает сердце.

За разговором выяснилось, что поганец Витька как-то появлялся в этих краях с новой кралей, по-всякому поносил мое имя и фамилию и распускал слухи, что я полный импотент, чего его дама, однако, не подтвердила, а наоборот говорила: - "он очень приятный". Еще бы! Не она ли, а по описанию это была именно потаскуха Кэт, много раз повторяла, что я просто каменный мужик и безотказный как мотор у кадиллака, хоть я и предпочитаю мерседес.

Потом директор предложил поехать к девочкам. Он бы пригласил нас к себе, но у жены головные боли, она часами не выходит из спальни, а дочка готовится в консерваторию, ей наняли специального учителя, и они целыми днями музицируют, так что мы можем им помешать. Надо поехать к нему на дачу, на соседней вилле поселилась весьма приятная дама - все называют ее "самолет-снаряд", она директор недавно построенной на Каменном острове оранжереи и выставки цветов, кроме того - у нее две почки, да и сама мамочка вполне ничего, а в бассейне у них лилии, каких нет ни в зоопарке, ни в ботаническом саду.

Стив, а он директор финских бань, что на месте бывшего Дерябкина рынка, в свою очередь, пригласил нас к себе и обещал открытьбочечку пива, что прислал ему из Гамбурга его

приятель — директор гамбургских бань — и Стив все ждал случая это пиво попробовать. . .

Правду сказать, я тоже директор комиссионного магазина, но Стив говорит — это не работа, лучше подсобить денег и купить небольшой ресторан или дансинг и стать его директором. Спрашивается, где же тогда воровать?

Все не выходит у меня из головы эта сволочь Витька. Он думает — если он директор мюзик-холла, то ему все можно, — подумаешь, цаца какая! Пусть они там в мюзик-холле подыскивают себе нового директора, да поскорее — вакансия скоро появится, я ему покажу импотента! Думаю и потихоньку проворачиваю барабан кольца для успокоения мозгов, вспоминаю старикашку Боба... Как он там один? Скучает поди? Надо ему что-нибудь привезти. Он любит клубнику со сливками. Сейчас не сезон, но, я полагаю, мы с братцем сообразим где-нибудь пару ящичков. Стив его тоже любит. Как-то раз они вдвоем съели полтора ведра клубники со сливками, пока я собирал из алых и белых роз букет для Марии — она обожает розы и на этой почве почти перестала пить: у нее от пьянки обоняние не работает, как же она будет нюхать розочки, если не чувствует запаха?

Принесли, наконец, и зайца, и это самое... Мы уже выпили шесть бутылочек мартини и тоже стали пить коньяк. Стив варень добрый, только когда перепьет — любит пострелять, потому что его папаша на самом деле был грузин, и Стив унаследовал его азиатские замашки. Директор рассказал, как на прошлой неделе Стив перестрелял все лампочки в заведении и ни разу не дал промаха, а после ему захотелось шлепнуть муху, что уселась на лысину бармену, бармена пришлось уволить. Стив отстрелил ему ухо, а кому нужен безухий бармен? Правда, одно ухо у него все же осталось, но ему пришлось бы все время поворачиваться к посетителям правой стороной, а это неудобно. Мы здорово смеялись, но мнешино стало жалко директора, он теперь как бы сирота, и я выпил стакан коньячку.

Тем временем, заходят еще два посетителя и садятся по краям стойки, а лица у них — прямо скажем — опасные! Один выпивает стакан виски и говорит ужасным голосом: — Как я его ненавижу! Ах, как его ненавижу! А второй наливает стакан бренди — он взял целую бутылку — и не менее зверски

произносит: — А я его еще больше, чем он меня — вот что я вам скажу! Тогда первый выпивает новый стакан и говорит: — Нет! Это я его ненавижу больше!

Директор сказал, что эти двое уже год ненавидят. И если один другого пристрелит, заведение сильно потеряет в смысле престижа, ведь многие специально приходят посмотреть, как они ненавидят, но можно надеяться, эта взаимная, как бы сказать, неприязнь будет продолжаться долго. Оба они — директора конкурирующих предприятий: один магазина мягких игрушек, другой по части воздушных шариков, пицалок и раскидаев — что-то в этом роде. Бедные дети! Если одного из директоров коннут, а по нынешним временам это все равно, что одесить свой палец, целая улица города может ощутить крупный дефицит в плюшевых мишках или, не дай ~~бог~~ бог, в пицалках и шариках, которые и так поднялись в цене. Интересно знать — куда смотрит государство и каким оно, простите, местом думает? Нечего сказать — довели Родину до ручки: куда ни посмотри, всюду встретишь англо-американскую харю, у молодежи и у армяшек вошло в моду материться по-английски, а в скором времени закроют два завода, производящих автомобили Жигули — филиалы в Бирменгеме и во Флоренции, а вместо этого поставят автоматизированные линии для производства жигулевского пива. Такие наступают времена, что просто неприятно быть русским. Янки абонируют первоклассные отели, фрицы и финны ездят к нам, как к себе домой, и гадят рынок крайне ненадежной валютой, рубль пока держится, но и его вытесняют воюющие японские деньги — из чего их делают? может из банановой кожуры? В Пулково строят ликеро-водочный завод и для этого нагнали кучу голодранцев и негодяев со всего света, так что когда потерпел аварию "боминг" с грузом подтяжек и трусов "натурель", эти цыгане так обворовали самолет, что правительственная комиссия оказалась не в состоянии с точностью определить место катастрофы, — горестно закончил директор и закусил ~~пицалкой~~ балычком.

На улице несколько раз бабахнуло. Директор, а он сидел у окна, сказал: кажется, какой-то мальчик застрелил свою тетю, а может и не свою, но все равно нехорошо — наверно, пионер, а так плохо стреляет, тетя-то, похоже, осталась жива. Дверь открывается, входят дружинники, один с автоматом, другой — ба! это же Ник Гароян, мой друг, директор

магазина "все для новобранцев". Ник — активный общественник в тресте, все стены его кабинета увешены грамотами "за попытку задержания преступников", "за тревогу на пожаре" и др. Пока мы с ним обнимались и целовались, его товарищ расспрашивал всех: не слышали они выстрелов? не видели, кто стрелял? Оказалось, маленький мальчик стрелял. Тогда дружинник сказал: это пустяки, пусть детская комната занимается. И выпил две кружки пива — на улице было жарко, и даже ствол автомата блестел от прикосновения его потной руки.

Директор так сказал: он мужчина, а не какой-то там импотент /при слове импотент меня перепернуло и я слегка провернул барабан револьвера — проклятый Витька! я ему покажу/, поэтому хватит пить дерьмо, и велел принести водки и много-много маленького бутербродиков — по краям они с красной икрой, посредине с черной, еще посредине розочка из масла, а совсем посредине розочки одна красная икринка. Это его собственное изобретение — фирменное блюдо "фиалка казино!" А Стив сказал, чтобы всем подали по кружке светлого пива, он терпеть не может соленого без пива, а пива без соленого. Только, по-моему, это все ерунда по сравнению с маринованными креветками, какие мы со старикашкой Бобом кушали в Оране. Хозяин креветочного ресторана, царство ему небесное, представляете? — чинил крышу и провалился прямо в бассейн с золотыми рыбками, /рыбки, конечно, сдохли/ да еще при всем народе. После Бобу позвонила вдова, приглашала нас на похороны, пока хозяин окончательно не протух /сами понимаете — тропики!/, так вот, хозяин перед отъездом презентовал нам банку этих гениальных креветок, и мы с аппетитом скушали их на теплоходе — очень пикантная вещь! Уезжать было жалко — как же будем мы без него, а он без нас? Хозяин слезы вытер, хлопнул меня по плечу и сказал: — Не унывай, Сэнди! Пиши, брат, пиши! И теперь такое несчастье. Пришлось выпить два стакана водки — у меня от таких воспоминаний на душе тяжело.

Стив не захотел пить водку, но директор сказал: это непатриотично — русскому человеку пренебрегать национальным напитком! О, директор настоящий патриот — вот что мне особо в нем нравится. Я подозвал мальчишку и дал ему секретное поручение.

Выпили мы еще за Родину и за баб., а потом — за славу русского оружия — любимый тост моего дедушки /мы-к тому времени съели большое блюдо "фялок" и в горле у нас пересохло/. Вскоре возвращается мальчик. Я его послал в магазин подарков, там гравер зубо-врачебным сверлом пишет на чашках и прочих тарелках как-то: "любимой женушке в день ангела" или "ветерану войны от товарищей по работе". Я придумал маленький сюрприз. Налил всем по стопочке и провозгласил тост: "Да здравствуют истинные патриоты и пусть подохнут разные нации!" Кругом раздались аплодисменты, — я встал и вручил директору свой браунинг с памятной надписью: "Стреляй на здоровье, дорогой друг, помни Сэнди Блэка!" Мы расцеловались, а все присутствующие кричали "ура!", "бей сионистов!" и много других патриотических слов и криков, а посудомойка рыдала и утирала нос передником. Ишш

Подъехал "додж", и из него вылезла компания девчонок и баб — ну, думаю, повеселимся! Я бы не против рыжую в голубой майке — этот цвет гармонирует с моей машиной. Стив спрашивает: это что за б.....? Директор сказал — это аспирантки, приехали отдохнуть от научной работы, кстати рыжая голая танцует на столе канкан не хуже знаменитой аргентинки Анжелики Моро. Мне она слегка напоминает потаскуху Кэт, и я бы не сказал, что эти воспоминания мне так уж неприятны.

Тут заваливается еще компания — четыре фраера с Охты, диконны как на подбор, кстати — дружки уболюдка Витьки, разоделись, как на парад, попугай, — одно слово: шпана! Один так подваливает к Стиву и спрашивает, не знает ли он, где его братец Санька /это он про меня говорит/, а то Виктор /это он так Рамкина величает/, знаете ли, получил от своей красотки в подарок кольт сорок четвертого калибра /вот сво-лоць! / и якобы этот пистолетик одним выстрелом сносит задницы, так что Виктор ~~желает~~ желает его поскорее обновить! Стив молчит, его изнутри распирает, а может это пиво в нем бурлит и негодует. Молодец, думаю, пусть этот губошлеп еще что-нибудь хорошее скажет, и пошел потихонечку за дробовиком — он у меня шестизарядный, на всех хватит. Боб говорил, из него не то что задницу — человека разнесет, даже если промахнешься. Ах, старый добряк! Как мне тебя не хватает.

Дока я ходил, дело шло как по маслу. Братец мой запустил в морду этому слюнтяю шпигованного зайца и ростбифом так заштукатурил ему пасть, что тот даже орать не смог — еще бы! такой кусок ему за раз не проглотить! Директор оказался и вовсе молодцом: одному кретину он дал хорошего пинка в зад и из того посыпались таблетки и презервативы, потом вынул браунинг и поднял такую стрельбу, что два оставшихся негодяя сразу стали рожами к стене. А вот и я с дробовиком, директор как раз меняет магазин, и я для полного эффекта долбанул раз в потолок — эти подонки тут же наклали в штаны, и Стив пинками выгнал их на улицу. Директор заменил магазин и через окно продравил их обшарпанный кадиллак, я еще разок пальнул из дробовика, у кадиллака отвалился багажник, у бармена полопались барабанные перепонки. Белый директор! Не везет ему со служащими, а его служащим с ушами, был один бармен без уха, так этот теперь и вовсе глухой — смех один!

Ник с приятелем пили пиво в уголке под пальмой, приятель чистил автомат и насвистывал "Когда святые маршируют", а Ник беседовал по телефону с какой-то там Джейн и поглаживал низ живота. Мне сразу понравился приятель Ника, похоже он человек деловой, хороший семьянин — люблю людей обстоятельных и серьезных. Ник положил трубку и спросил, где я раздобыл такой хороший дробовик? Надо было, говорит, прострелить задницы этим слюнтявым паршивцам! Ай, да молодец Ник! Я говорю: — Приезжай ко мне в Москву, дружище! У нас тоже таких полно, постреляем как следует! А он говорит: — Ладно, не унывай, Сэнди, обязательно приеду. А сейчас мне пора: жена велела купить тертой гвоздики для пирога и две дюжины розовых салфеток с кружевами — к нам сегодня придет в гости директор кондитерской с супругой и со своей бедной больной мамой. Так что всего хорошего, Сэнди, главное не унывай!

Тогда мы со Стивом попросили передать от нас привет директору кондитерской, обеим женам, а директор попросил передать привет еще ихней больной маме — вот добрая душа! Тогда мы тоже попросили передать привет больной маме.

Пришли еще два директора — не помню чего — мы с ними выпили по несколько стаканов водки с "фидалками", один из них сыграл на расческе фокстрот, а мы подпевали. Дробовик я отнес в машину — все равно ничего веселенького не наме-

чается, все уже поняли, что мы за люди: новые посетители спрашивают "где они"? И рыжая с брюнеткой аспирантки всем показывают - вон сидит Сэнди Блэк, это тот Сэнди, который приехал специально прострелить жопу хулигану Виктору Райкину или Саймону Майкину - в этом роде...

Но директору это вскорости надоело, он сказал: "Вы у меня в гостях, чувствуйте себя как дома!" - и велел всем убираться из бара, кроме нас, девочек и бармена, т.к. мы сейчас начнем веселиться как следует. Стив сказал, что давно пора разогнать всю эту шушуру и вообще - где же музыка? Директор улыбнулся и сделал бармену знак. Мне показалось, обвалился потолок. Стив даже не шелохнулся, снял штаны и положил их в кадку с пальмой и сказал: что это? приличный бар или барпак? Тогда директор тоже снял штаны, я подумал и тоже снял, только бармен не снял - ему не полагается, он не директор. А девочки совсем разделись. Стив закричал: - Что за безобразие? Кто велел совсем раздеваться?! Это не пикантно - так сразу! И велел им кое-что обратно надеть, только рыжей ничего не велел надевать. Я всегда прислушиваюсь к его мнению, у него хороший вкус.

В двери постучали, это Ник с приятелем вернулись. Они отложили неотложные дела и принесли нехорошие вести. Приятель Ника - директор подросткового клуба "Мальчики и девочки Петроградской стороны" - по дороге домой заглянул к директору табачного магазина и заметил, что в соседнем переулке собралась целая шайка охтинских головорезов и с ними четверо мерзавцев, которым мы сегодня хорошенечко поддали, вместе со своим подбитым кадылком. Сейчас подойдет табачный директор. Ник уже позвонил кондитеру, чтобы тот тоже приходил немного пострелять перед ужином. Директор клуба вынимал из мешка противотанковые гранаты и запасные магазины, а я пошел за дробовиком. Жаль патронов у меня маловато, но директор сказал, что у него в кладовой есть четыре ящика зенитных снарядов и они вполне подойдут. Я совсем успокоился и пошел за своим ружьем.

Когда я вернулся, ребята решали важную проблему - что делать с девчонками? Директор предложил быстренько с ними развлечься, пока не начали стрелять. Стив сказал - так не годится, лично он будет и стрелять и развлекаться. Тут при-

ходил табачный директор с винчестером, а за ним кондитер с гранатометом. Мы стали знакомиться и говорить друг другу хорошие слова. Кондитер все сокрушался, что его супруга не смогла прийти посмотреть, как мы будем лупить этих недоносков — она осталась с больной мамой, и мама тоже хотела бы посмотреть — как жаль что она нездорова! Потом спрашивает, почему мы все без штанов? Директор ответил: потому что девочки ждут не дождутся, когда мы начнем их развлекать. А табачник сказал — ничего! подождут, надо сначала подготовиться к обороне, и тоже снял штаны. Теперь мы все были без штанов, кроме бармена и кондитерского директора. Бармен привинчивал взрыватели к гранатам, а кондитер был в смокинге и не захотел снимать штаны, и мы послали его заминировать запасной выход и заодно прихватить на кухне что-нибудь вкусненькое. Директор позвонил своему другу директору крематория, чтобы тот прислал медсестру. Что? Нет, нет, помощь нам не нужна, обойдемся как-нибудь, пусть лучше позвонит Добряку Биллу — директору похоронной конторы, — и скажет, что у него сегодня будет работа, а то нам некогда болтать по телефону. Да, много работы. И пусть поцелует за него Кэт /его жену тоже зовут Кэт/.

Пока директор говорил по телефону, из дереулка выкатили две Волги, грузовик и знакомый кадиллак. Видимо гопники решили нас атаковать под их прикрытием, но не тут-то было! Как раз появился кондитер с большой семгой и оплетенной бутылкой спирта. Он поставил припасы на стол и двумя выстрелами из гранатомета очень удачно поджег грузовик. — из него так и посыпались вонючие лисиденты. А я зарядил дробовик зенитными снарядами и вдребезги разнес еще один еврейский броневик. Стив, прижимая ружью, изредко постреливал из пистолета. Я взглянул в окно: вдоль стенки крался тот самый прохвост, что сожрал наш ростбиф. Но директор клуба стеганул из автомата, и он запрыгал за угол как подстреленный. Из машин открыли сильнейший огонь. Вот новости! У негодяев оказывается есть пулеметы! Пришлось лечь на пол и лежать — пить спирт, но мы скоро привыкли. Стив, лежа с брюнеткой, смотрел в окно и комментировал события. Мы чокнулись и выпили еще по стаканчику спирта, и кондитер сказал, что семга, на его взгляд, очень нежного посола, он возьмет с собой кусочек для больной мамы, если от нее к тому времени что-нибудь останется, от семги

разумеется, а не от мамы. На улице стало тихо. Судя по всему разбойники что-то задумали. Мы налили по рюмашке, и директор предложил выпить за наших девочек, но Стив из-под блондинки велел подать ему стаканчик, потому как у него в запасе имеется потрясающий тост.

В этот момент грохнуло как из пушки и рухнула стена. Конечно, кондитер слишком хорошо заминировал запасной выход — вот стена и рухнула. Мы как были без штанов бросились на вылазку — давно пора схватиться врукопашную. Эти безобразники, понятно, разбежались кто куда, но двоих мы все же поймали и хорошенько отлупили по задницам семгой, которая от этого пришла в негодность. Но директор сказал, ничего страшного, у него в кладовке есть еще две семги, надо только откопать их из-под обломков стены. Такого симпатичного человека, как наш директор, не всякий раз встретишь. Стали одеваться. Только Стив одеваться не стал, он говорит — так прохладнее. А я надел смокинг, раз уж в гостях! Кондитерский директор очень скоро извлек из-под обломков обе семги и бутылку со спиртом, и мы отправились в "Домик лесника" — его директор наш хороший знакомый. Когда я уезжал обратно в Москву, он долго тряс мою руку и говорил: — Не унывай, Сэнди! Приезжай еще, дорогой!
